

Евгения Тлякова

Дважды умереть и воскреснуть

Евгения Gladkova

Дважды умереть и воскреснуть

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22485123

Дважды умереть и воскреснуть: Маска; Москва; 2014

ISBN 978-5-91146-968-9

Аннотация

«Я жила в придуманном иллюзорном мире, не подозревая, каким мир был на самом деле. Его история полна лжи, ненависти, предательства, крови. Те, кто этого не ведал, были счастливы, потому как заблуждались, но познавшие истину заплатили жизнью. И все же мир стоит того, чтобы за него бороться, бороться за жизнь. Он не безнадежен. И чтобы это понять, мне предстояло дважды умереть и воскреснуть...»

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Книга и конверт	6
Глава 2. Последний день	18
Глава 3. Послесмертие	37
Глава 4. Новый дом	48
Глава 5. История Лилит	60
Глава 6. Вернуть книгу	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Евгения Gladkova
Дважды умереть
и воскреснуть

© Евгения Gladkova, 2014

Пролог

Я жила в придуманном иллюзорном мире, не подозревая, каким мир был на самом деле. Его история полна лжи, ненависти, предательства, крови. Те, кто этого не ведал, были счастливы, потому как заблуждались, но познавшие истину заплатили жизнью. И все же мир стоит того, чтобы за него бороться, бороться за жизнь. Он не безнадежен. И чтобы это понять, мне предстояло дважды умереть и воскреснуть.

Глава 1. Книга и конверт

Знойный июльский вечер таял в первых сумерках. Над городом блистала необычно большая луна. Я, как она, мечтала вырваться из этого «плена» во взрослую жизнь. Уже завтра я стану совершеннолетней. А вот буду ли свободной – вопрос. Моя самостоятельность – утопия.

В прошлом – жизнь обычной затворницы: обучение – на дому; общение со сверстниками – по «Skype»; редкие вылазки в мир: поликлинику, паспортный стол, на приемные комиссии в школу и университет. Не припомню, чтобы я посещала кружки творчества, ходила в музеи и театры, или просто гуляла по улице. Меня даже никто не навещал из друзей, которых вообще-то тоже не было.

В будущем, по крайней мере, ближайшем, скорее всего, тоже изменений не предвидится. Все уже давным-давно спланировано за меня. Окончу универ экстерном. Оформлюсь к отцу на фирму. Должность будет средненькая, зато работать буду на дому.

Я словно растение, цветущее в неприхотливых условиях: моя спальня – дорогой глянцевый горшочек, а я сама – традесканция, которую всего-то и нужно, что вовремя полить и удобрить почву, да и убрать подальше от прямых солнечных лучей, чтобы «не загнупась». В моем случае и впрямь нужно держаться подальше от солнца, оно для меня губительно.

Ночь была светлой и душной. Уснуть не получалось, несмотря на принятое снотворное. На завтра столько всего запланировано, что мысли так и блуждали в голове, не давая покоя. Как же мне хотелось, чтобы завтрашний день стал отправной точкой в новую жизнь. Я больше не могла быть привязанной к дому. Мне нужны были перемены...

Дверь в мою спальню бестактно распахнулась, и в комнату вошла Мариэтта Павловна. Это моя родная бабушка, и мне хотелось бы ее называть бабушкой. К сожалению, а может и к счастью, меня она внучкой не считала и поэтому я обращалась к ней по имени-отчеству. Официоз в нашей семье – обязательное условие.

– Еще не спишь? – с долей пренебрежения спросила она.

– Никак не могу заснуть.

– Скоро придет твоя сиделка, – процедила бабуля, – а я поеду к Василию Степановичу. Останусь там на ночь.

– Что-то случилось с дедом? – я не на шутку взволновалась.

– Тебя это не касается, – отстраненно произнесла бабушка. – Спи.

Дедушка, Василий Степанович, уже более года находился в хосписе. Я ничего не знала о его состоянии. А Мариэтта Павловна не торопилась мне рассказывать. Мне вообще казалось, что она и вовсе не переживает о его здоровье. Ее более всего интересовало собственное отражение в зеркале.

Точно пушкинская «столбовая дворянка», бабуля люби-

ла наряжаться. Платья носила классического покроя исключительно сдержанных тонов. Волосы, выкрашенные в огненно-красный цвет, она укладывала огромной копной на макушке. На груди красовалась брошь с россыпью цветных самоцветов, в ушах – массивные серьги, на пальцах – огромные перстни. Она не стеснялась носить на себе целое состояние!

Она еще несколько раз заглядывала в мою спальню, давая последние наставления.

– Я записалась на процедуры в «Диваль». До двенадцати меня не беспокоить.

– Ладно! – ответила я.

«Диваль» – место паломничества светских львиц нашего города. Спа, массаж, лучшие косметологи и стилисты – все, что угодно за ваши деньги! Из «Диваля» бабуля возвращается довольная и размякшая, точно кошка под валерьянкой. И потом, в течение следующих пары дней, она не была сварливой. В «Дивали» работали волшебники. По-другому и не назовешь! За несколько часов они превращали скверную жабу – мою бабулю – в нежное и трогательное существо. Жаль только эффект кратковременный.

– Утром, в полседьмого, придет Тамара. Не проспи. Поможешь ей по хозяйству.

– Ладно, – кивнула я.

Тамара, немолодая и одинокая женщина, работает у нас горничной. Она – единственная, кто работает у нас давно, но у меня до сих пор не было возможности узнать ее поближе.

А стоит ли сблизаться с людьми, которые пачками приходят и тут же исчезают, не оставив о себе даже призрачных воспоминаний? Бабушка так часто меняла персонал, что всех и не упомнишь. Ей удавалось нанимать разных людей за сравнительно низкое вознаграждение, а за мельчайшую провинность выгоняла, так ничего и не заплатив.

За моим воспитанием следили нанятые няньки, за порядком в доме – горничные, за машинами – водители, за дедушкой – сиделки. Никто больше года у нас не задерживался. Тамара – редкое исключение, и еще Зоя, которая работала ночной сиделкой и приходила по необходимости. Сначала девушка ухаживала за дедом, пока того не поместили в лечебницу, а потом стала оставаться со мною. За эти годы Зоя стала моим лучшим и единственным другом. Ночи, проведенные в беседах с ней, были лучшим временем за всю мою никчемную жизнь.

– Смотри не проспи! – рявкнула Мариэтта Павловна и вышла, не закрыв за собою двери.

– Конечно, бабуля, – кривлялась я, когда она ушла.

Я встала и прикрыла дверь, оставляя себе возможность подслушать, о чем она болтает по сотовому. Сути разговора было не разобрать, но говорила она спокойно и монотонно. Я заключила, что с дедом все в порядке. Еще мгновение – и раздался лязг входной двери и забренчал в дверной скважине ключ.

Каждый раз, когда я оставалась в доме совсем одна, я по-

настоящему расслаблялась. Меня дико смущали посторонние, а присутствие бабули и вовсе наводило панику. Она, как мина с истекшим сроком годности, никогда не знаешь, когда рванет.

Я устало шлепнулась на постель. Устроившись поудобнее, я вернулась к своим размышлениям о завтрашнем мероприятии. Мне предстояло вновь пережить очередной скучный вечер.

Бабушка не отличалась оригинальностью в организации торжеств. Все праздники проходили по традиционному сценарию. Заранее обзванивались нужные люди, которые приносили нужные подарки. Блюда были изысканными, но порции готовились строго на число гостей. Никогда не оставалось добавки. Короткие, заранее приготовленные тосты проносились по регламенту. Затем, в ожидании десерта, гости перемещались из столовой зоны на диваны и продолжали светские беседы. Мне отводилась скромная роль благодарной слушательницы. Я мило улыбалась и кивала головой, как болванчик. Потом, как правило, бабуля отправляла меня к себе, а нанятые по случаю официанты позже приносили мне кусок праздничного торта.

Торжества длились не более четырех часов, примерно с семи до одиннадцати вечера. Когда гости собирались по домам, она приглашала меня выказать им благодарность за визит. И вот, когда все расходились, бабуля растягивалась на одном из диванов, клала на лоб влажное полотенце, и с ви-

дом загнанной лошади, хрипя и вздыхая, раздавала последние указания персоналу. Как мне все это опротивело!

Робкий стук в дверь моей спальни развеял все грустные мысли. Это пришла моя спасительница, Зоя. Ее появление было долгожданным, но всегда неожиданным. Она умела быть бесшумной. Зоя стала для меня связующей ниточкой с реальным миром, где жизнь была насыщенной и свободной, пусть даже опасной, но вместе с тем романтической. И поэтому я каждый раз ждала ее с нетерпением, и с еще большим нетерпением ждала новых новостей с «воли». Мы часами могли говорить обо всем и ни о чем. И не мудрено, что я привязалась к этой девушке всею душою.

– Еще не спишь? – раздался ставший родным голос. – Не помешаю?

– Зоя, я так рада тебя видеть. Проходи.

Девушка вошла в комнату, неторопливо и грациозно, точно пантера. Присела в излюбленное кресло у окна и так ласково посмотрела на меня, как только может смотреть мать на свое чадо.

Она была высокой и очень эффектной девушкой. Сиреневое шифоновое платье роскошно смотрелось на ее точеной фигуре и выгодно оттеняло бледную кожу. Каштановые волосы, разделенные косым пробором и аккуратно убранные за уши, струились по плечам и блестели в тусклом свете светильника. Ей очень шла такая прическа, открывающая выразительное лицо. Несмотря на отсутствие загара, вид у нее

был цветущий. Она всегда приятно пахла. Такого аромата, среди известных мне, я не встречала.

– Что новенького? – начала девушка. – Еще не надоело притворяться больной?

– Меня излечит лишь свобода! Там – за окном – протекает жизнь, а я обязана сидеть в четырех стенах, – ком подступил к горлу, и я потянулась за стаканом воды.

– Завтра – важный день. Тебе надо выспаться.

– Я пытаюсь уснуть, даже приняла «Феназепам», но сегодня фея снов забыла обо мне.

– Шутишь? Это хорошо! Не могу смотреть на тебя, когда ты грустишь.

– Я думала, ты больше у нас не появишься. После той истории бабуля была вне себя от бешенства.

– Я тоже была уверена, что больше не появлюсь у вас. Но, как ни странно, твоя бабуля позвонила сама и попросила прийти, – Зоя пожалала плечами и вполголоса спросила: – А ты сама не расспрашивала ее о том, как погибла твоя мама?

– Тем вечером, когда она тебя прогнала, я пыталась выяснить. Задавала кучу вопросов, но вместо ответов получила увесистую оплеуху.

– Мне жаль, – Зоя виновато потупилась в пол. Повисло неловкое молчание.

О маме в нашей семье говорить было запрещено – еще одно правило. А так как все правила навязывала бабушка, мы были обязаны подчиняться. Этой авторитарной особе сам

черт не указ.

Я мало что знала о матери. Она умерла, когда мне было полгода. Знаю лишь, что они с отцом очень любили друг друга и даже тайно поженились. Бабушка была вне себя от ярости, но смирилась в ожидании, что у отца это просто прихоть, и что скоро он одумается и бросит безродную сиротку. Родители скитались по съемным квартирам, перебивались случайными заработками, но были очень счастливы. Когда мама забеременела, им пришлось обратиться за помощью к Мариэтте Павловне и Василию Степановичу. Те, узнав обо всем, конечно же, потребовали избавиться от ребенка. Но вопреки их запретам, я все-таки родилась.

– Зоя, а знаешь, чего мне жаль? – едва не плача, произнесла я. – Мне жаль, что я появилась на свет не в то время и не в том месте.

– Не говори глупости! – воскликнула Зоя. – Твоя мама любит... любила тебя... просто обстоятельства... так получилось...

– Откуда ты знаешь? Даже я этого не могу утверждать, – меня накрыла волна возмущения. Я решила немного охладить пыл девушки. – Разве любящая мать бросит своего ребенка? Нет, конечно!

– Не суди о том, чего не понимаешь!

– Зоя, очнись! Она покончила с собой, оставив меня совсем малышкой в этом «логове».

– Рената, ты во многом права, но есть более важные об-

стоятельства. Знай ты всю правду о гибели Ирины, ты бы по-другому взглянула на вещи.

– Зоя, мы можем много спорить, но правды так и не узнаем, – я не ожидала, что наша беседа будет настолько волнительной. Немного поразмыслив, я добавила: – Хотя, зная характерец бабули, неудивительно, что мама поступила именно так. Я и сама не раз задумывалась о самоубийстве. Но лучше сбежать. Жить бок о бок с тираном – нелегкое испытание!

Зоя залилась смехом. По-моему мне удалось сгладить напряжение. В этот вечер о маме мы больше не говорили. Зато успешно и воодушевленно перемололи косточки всем приглашенным на завтрашний ужин гостям. Я вспоминала прошлые дни рождения и подарки, которые дарились как бы мне, но ими безо всякого стеснения пользовалась Мариэтта Павловна.

Как приятно, однако, бывает посплетничать. Прямо ком с души! Мы всегда много говорили без усталости. Темы для разговоров находились разные. И Зоя очень приятный собеседник. Она была манерной, образованной и утонченной девушкой. Воспитание, под стать такому, прививается в благородных семьях. И мне всегда хотелось думать, что она знатного рода. Вот только дворянки не нанимаются в сиделки, и за все время ее работы у нас девушка ни разу не упомянула своего происхождения, да и вообще мало говорила о себе. Все больше слушала и порой давала дельные советы. Она

казалась счастливой, но в ее больших янтарных глазах тлела тоска и равнодушие ко всему происходившему в мире. Она была для меня загадкой.

За разговорами я не заметила, как приблизилась полночь. Из столовой донесся звон часов. Мы притихли, наслаждаясь первыми секундами моей новой взрослой жизни. Зоя поднялась и подошла к моей постели.

– Милая, поздравляю! – ласково произнесла Зоя. – Отныне ты свободна. Мариэтта Павловна больше не может навязывать тебе свои правила, ее опека закончилась.

– Спасибо! Вот только поверить трудно, что я когда-нибудь избавлюсь от гнета бабули.

– Я ждала полуночи, чтобы первой тебя поздравить! Я хочу сделать тебе подарок.

Девушка достала из сумочки конверт с интересной маркой – старинный герб с изображением компаса, и головами льва, змеи, быка и орла по сторонам света. Эта марка была гораздо большего размера, чем обычные почтовые марки.

– Здесь твое будущее, – сказала Зоя. – Я давно собиралась отдать тебе конверт. Но не знала, как тебе объяснить его содержание. Я ничего иного не придумала, кроме как познакомить тебя вот с этим, – она достала из сумочки небольшой томик, обтянутый черным бархатом и перевязанный тесьмой. – Это книга. Здесь многие ответы на твои вопросы. Здесь описаны судьбы разных людей, которых давным-давно уже нет в живых. Здесь прошлое, которое прольет свет на

настоящее.

– Это биографии известных людей? – я перевела взгляд с томика в ее руках на стеллаж с книгами, где стопками лежали разного рода энциклопедии и хрестоматии.

Зоя взглянула на книги. Ее настроение изменилось. Девушка была взволнованной и раздраженной. Она судорожно прижала книгу к груди и опустила голову. Волосы рассыпались, закрывая лицо и руки. Девушка затряслась, словно в припадке. Я оцепенела. Мне самой было впору затрястись от страха. Никогда раньше мне не доводилось видеть ее такой.

Спустя мгновение Зоя подняла голову. Ее вид привел меня в ужас. Глаза, как у дикого зверя, налились багровым цветом; на лице проступили черные жилы. Еще мгновение, и она уже нависала надо мной. Меня словно током ударило. Я не могла пошевелиться и тем более говорить.

– Мы поговорим, когда прочтешь, – в голосе Зои звучал металл, который тройным эхом обуял мой слух. – Здесь записаны не биографии, а некрологи. И писали их авторы уже после своей смерти. Здесь написано и обо мне мною же, и об Ирине – твоей матери. Только прочтешь ты сможешь ночью, но не днем. Строки проявляются при полной луне. Сегодня ты уже не сможешь, так как засыпаешь. Но завтра в полночь...

Сказать, что я шокирована – ничего не сказать. Я до конца не понимала, кто передо мною стоит. В голове раз за разом прокручивалась картина ее превращения. И только в уголках

сознания фоном доносилось: «прочешь книгу...»

Зоя присела на кровать рядом со мной, ласково провела по моим волосам ладонью, как она делала это обычно, когда мне не спалось, и коснулась пальцами подбородка. Она смотрела на меня знакомым, почти материнским, взглядом. От прежнего чудовища ничего не осталось. Она вновь стала той, кого я любила больше на свете. Я хотела было спросить у нее «что это такое было?», но, подняв глаза, девушки не обнаружила. Она, как обычно, бесшумно удалилась. А на письменном столе смиренно дожидались моего участия оставленные девушкой подарки: загадочный конверт и еще более загадочная книга.

Сонливость накатила волною, и я не заметила, как все тревожные мысли отпустили меня, и я погрузилась в небытие.

Глава 2. Последний день

Будильник зазвенел, прервав мой кошмарный сон. Я не сразу очнулась. Обычно я просыпалась на несколько секунд раньше, чем успевал сработать будильник. Сказывался режим, в котором мне приходилось жить все эти восемнадцать лет. Но почему-то именно сегодня проснуться было так тяжело.

День был весьма значимый для меня – восемнадцатый день моего рождения; день моего совершеннолетия; день, когда бабуля больше не сможет дозвониться надо мною; день, когда я смогу сама распоряжаться своими временем и деньгами; день – полный забот, лицемерия и бесполезных иллюзий.

Раздражение захлестнуло меня, словно удав заглотил кролика. Веки были тяжелыми, глаза – красными, и все тело ломило. Я просунула под плотную штору руку и открыла окно нараспашку; впустила в комнату утреннюю прохладу, оставляя за шторой белый день. Бодрость тела, как и бодрость духа, отсутствовали напрочь. Вдохнув ранней свежести, я поплелась в ванную умываться.

– Поздравляю! – улыбнулась я отражению в зеркале. Но ничего, кроме жалости к себе, я не ощутила.

По ту сторону реальности на меня глядела хрупкая девушка болезненного вида с вечно темными кругами под глазами – уголочками. Взъерошенные волосы приходилось

немного смочить, чтобы привести их в порядок. Недавно мне пришлось остричь волосы. Каре на ножке. За короткими волосами ухаживать легче. Но я об этом не раз пожалела. Мне всегда хотелось иметь длинные густые волосы и сменить цвет с черного на какой-нибудь ультра-яркий. Но бабуля говорит, что ничего меня не украсит. Я не могу оценить себя: красавица я или урод. Бабуле, наверное, видней – она в красоте многое что понимает. Ну, хватит кривляться!

Я оделась, убрала постель и лениво потопала на кухню. Звонок в дверь изменил мой маршрут. Это была Тамара, она, как всегда, постеснялась открыть дверь своим ключом. Я открыла дверь. Тамара вошла и неторопливо сняла жакет. Сегодня она была более приветлива и раскованна, зная, что Мариэтты Павловны дома нет.

– Риточка, – женщина называла меня именно так, сама не знаю почему, – поздравляю тебя с днем рождения!

Я поджала губы в имитации улыбки и кивнула в знак благодарности.

– Ох, совсем забыла, – из кармана брюк женщина достала почтовый конверт, сложенный пополам, и протянула его мне.

Конверт был совершенно обычным, но вместо почтовой марки там красовался старинный герб, мне показалось, что я уже видела подобный. А снизу была приписка от руки «Для Ренаты».

– Я на прошлой неделе, – тихо произнесла Тамара, – нати-

рала паркет в кабинете. Полезла за диван, присела, продолжила полировать полы. Меня видно не было. В тот момент в комнату вошла Мариэтта Павловна, раздраженно бубнила, ругалась. За чем-то полезла в сейф. Я покашляла, чтобы она знала, что я тут. Она вздрогнула. Конверты и посыпались. Там были и другие такие же. Она отругала меня и прогнала. А после позвала и говорит, мол, иди, убирай дальше. Вот под диваном я его и отыскала. Написано для тебя, а ты и знать не знаешь, что и кто тебе пишет. Я подумала, отдам его тебе.

Я побежала в комнату и взяла с письменного стола конверт, который принесла Зоя. Я вскрыла оба. В том, что подарила Зоя, был паспорт с моей фотографией, но совершенно другими данными. Я не стала вдаваться в подробности. А в том, что принесла Тамара, был бланк с указанием каких-то кодов, артикулов и среди прочего надпись: «до востребования».

Мне захотелось взглянуть на остальные конверты, но ключа от сейфа ни у Тамары, ни у меня не было.

– А знаешь, что странно, – продолжала Тамара, – ведь это не обычные конверты.

Конверты действительно были уникальны хотя бы потому, что сама Зоя принесла один похожий. А после вчерашней «демонстрации монстров» я уже не знала, кто такая Зоя, и что она за существо! История с этими письмами сама по себе интригующая. Но я и предположить не могла, что Тамара, женщина далекая от наших семейных интриг, сможет внести

хоть какую-то ясность. Мне хотелось поскорее все выяснить.

– Что вы знаете? – требовательно спросила я.

Тамара пошла на кухню. Не спеша сварила две чашки кофе и подала оладьи, которые принесла с собою из дома. Оладьи были еще теплыми и очень аппетитно пахли малиной. Мы присели за стол. Кофе был обжигающим, и я не торопилась его пить, да и оладьи пока не лезли. Я приготовилась слушать.

– Я помню, – начала женщина свой рассказ, – это случилось лет семнадцать – восемнадцать назад. Новые владельцы одной типографии были иностранцами. Они выпускали поздравительные открытки на заказ для важных и богатых людей. Моя дальняя родственница была любовницей какого-то бизнесмена, «нового русского», как тогда принято было говорить. Так вот она хвасталась, что ее пригласили на банкет, а приглашение было в похожем конверте. Получить приглашение с такой маркировкой считалось очень почетно. После банкета этот богачей бесследно исчез. Я уж не знаю, нашелся он или нет. Люська даже не интересовалась. А вскоре типография сгорела вместе с владельцами. Об этом происшествии еще долго в новостях говорили. И вот что странно: типография с тех пор не работает, а эти конверты, будто только что напечатаны.

Жуткая история! Мне вообще есть перехотелось.

– Тамара, спасибо! – я поблагодарила женщину за завтрак, к которому так и не притронулась. Мне не терпелось уеди-

ниться, чтобы все осмыслить.

– Только не выдавай меня! – воскликнула мне вслед Тамара.

– Разумеется, не сомневайтесь! – заверила я женщину.

Я задалась вопросом, почему бабушка от меня скрывает письма? Что она об этом может знать?

Я торопилась к себе. Я снова и снова разглядывала конверты и их содержимое. Пальцы бережно скользили по надписи. Я тешила себя надеждой, что мама все же жива, но по какой-то причине инсценировала самоубийство. В своих размышлениях я даже дошла до упреков, с которыми обрушусь на нее при встрече. Поймав себя на мысли, что фантазии завели меня в тупик, я решила начать сначала.

Передо мной на столе лежало пять предметов: два одинаковых конверта с гербом вместо марки, паспорт на имя Светловой Анастасии Викторовны, бланк документа с водяными знаками и пометкой *«До востребования. Без срока давности»*, и старая книга в самодельном переплете.

Я поочередно забивала в «поисковик» данные, которыми располагала. Что касается паспорта, то личность оказалась вполне существующая, то есть паспорт был действительным. Для чего мне Зоя подарила чужой паспорт? Далее – информация о гербе. «Поисковик» выдавал вообще запредельные вещи: оккультные секты, готы и прочая чернь. Чтиво – бредовое, и я даже не стала вникать, посчитав подобного рода информацию несерьезной. А бланк документа оказал-

ся «Дарственной», по которой некая иностранка дарит мне квартиру в Портленде (штат Орегон, США), счет в банке на один миллион двести семьдесят две тысячи долларов США и промышленный объект в Москве, ныне сдающийся в аренду. Конечно, меня поразило такое состояние. Я смогла бы вырваться из тисков бабули и начать самостоятельную и безбедную жизнь. Вот только загвоздка – все это причиталось некой Анастасии, как две капли воды похожей на меня. Что за шутки? У меня возникло еще больше вопросов, чем было до этого.

Из глубины квартиры раздался оглушительный хлопок дверью. Судя по всему, бабуля вернулась.

– Почему вы еще ничего не сделали? – раздался громкий возглас из прихожей.

Что-то рановато она пришла. Нужно поскорее все спрятать, а то беды не миновать. Я быстро сложила бумаги в стол, отключила компьютер и выбежала навстречу домашнему тирану. Сердце от волнения звоном отдавалось в ушах, руки тряслись, ладони потели. Я не заметила, как пролетело время. В желудке урчало и крутило. Но теперь о еде лучше не упоминать, если бабуля в бешенстве, она все равно не даст спокойно поесть. Потом что-нибудь перехвачу.

– Доброе утро, Мариэтта Павловна! – тихо поздоровалась я.

– Почему вы ничего не сделали? Хрусталь не чищен, гостиная в пыли. Чем вы занимались все утро? – гневно рас-

ходилась бабушка.

– Мариэтта Павловна, – вмешалась Тамара, чтобы хоть как-то охладить ее пыл, – еще и десяти часов нет. Может, сварить кофе, у вас вид усталый?

– Ох, я совсем за временем не слежу, – виновато пропела бабуля. – Тома, дай мне чего-нибудь поесть, и свари кофе, пожалуйста.

Тамара подала оладьи, нарезала сыра и буженины и сварила бабуле «Капучино». Она ела молча. Я ощущала кожей повисшее напряжение, но нарушить тишину так и не осмелилась. Решила на время скрыться в своей комнате, пока бабушка вновь не нацепила маску гарпии.

– Займись хрусталем, – услышала я знакомый командный тон за спиной.

– Конечно, – покорно ответила я.

Я была отдана в помощь Тамаре. Она занимались уборкой. А я начищала бокалы. Работа оказалась простой, но скучно-рутинной и мне, как человеку невыспавшемуся и голодному, приходилось бороться с усталостью и соблазном растянуться на диване.

В одиннадцать в дверь позвонили. Это приехали повар и двое официантов. Они привезли заказанные продукты и направились напрямиком в кухню. И вскоре оттуда уже стали доноситься аппетитные ароматы. Мариэтта Павловна по случаю пригласила повара из французского ресторана «Версаль».

К полудню фарфоровые тарелки и хрустальные бокалы

были начищены и сверкали, как драгоценные камни, под солнечными лучами, падающими через огромное окно гостиной. Я принялась полировать стулья и аккуратно составлять их друг на друга возле окна, чтобы в комнате было побольше места. Залитая полуденным светом комната давила на глаза. Моя странная болезнь, из-за которой я собственно и прикована к дому, не давала о себе забыть. Иные люди радуются солнцу, я же вся покрываюсь язвами. У меня идиосинкразия, что-то вроде аллергии на ультрафиолет. Я потянула за штору, чтобы прикрыть окно и неловким движением руки обронила бокал на пол. Мелодичный лязг разбитого хрусталя затмил все прочие шумы. Я и не предполагала, что моя небрежность так сильно разозлит бабулю. От ее дружеского вида не осталось и следа. Я считала, что она сдержит порыв злобы и не устроит сцен перед посторонними, но она словно с цепи сорвалась и не скупилась на ругательства. Я оторопела. Ком в горле мешал выдавить объяснения.

– Что ты уставилась, как корова в стойле? Откуда у тебя руки растут? Вот бестолковая овца!

– Я случайно, – оправдывалась я.

– Ты случайно свалилась мне на голову! – распылялась старуха. – Где я теперь возьму еще бокал?

– У нас ведь еще один набор есть, – сквозь слезы прошептала я.

– Ты что, дура? – не унималась она. – Те бокалы из другой коллекции, – и добавила почти с пеной у рта, – лучше бы ты

разбилась, чтобы глаза мои тебя никогда больше не видели!

Я уже не могла удержать истерику. Слезы превратились в обжигающие потоки. Воздуха не хватало, и я начала дышать взахлеб. Руки тряслись так, что даже и тряпку не удержать.

– Это всего лишь бокал! – воскликнула я, но тут же получила увесистую оплеуху.

Мариэтта Павловна разъярилась не на шутку. Она схватила меня за волосы и оттягала из стороны в сторону, а потом отшвырнула, как провинившегося котенка.

– Тома, – гаркнула бабуля, – прибери осколки.

– Мариэтта Павловна, – робко обратилась к бабуле женщина, – я могу съездить в магазин и купить новый набор. Это будет моим подарком Риточке.

– Что за вздор! Она разгрохала мои бокалы, а подарки – ей.

– Здесь ничего вашего нет! – что было сил, взвизгнула я. – Все, что в этом доме находится, принадлежит моему папе, вы здесь – просто гость.

– Да как ты смеешь, тварь неблагодарная? Я на тебя жизнь положила. Не доедала, не досыпала, чтоб ты человеком стала. Отказалась от личной жизни из-за тебя.

– Все для меня? Вы серьезно? Меня с пеленок няньки воспитывали, услуги которых оплачивал отец.

– Ты даже не смей его поминать. Если бы не появилась в его жизни твоя сумасшедшая мамаша, которая народила такое отродье, мой сын был бы счастлив, и ему не пришлось

бы всю молодость горбатиться на твое содержание.

– Точно! Он бы горбатился на вас.

– Даже не смей свой рот открывать. Я тянула тебя все эти годы. Он мне еще спасибо скажет, что я оградила его от тебя.

– Вы не только отца от меня оградили, но и весь мир, заточив в четырех стенах, как прокаженную.

– И нисколько о том не жалею, ты же ущербное посмешище, и такая же сумасшедшая, как и твоя мамаша. Сгинула, и тебе туда дорога.

– А я теперь, как никогда, понимаю маму. Она сама ушла из жизни, не дожидаясь, пока вы ее не изведете.

– И извела бы приживалку эту, а надо будет, и тебя со свету сживу. Тебя же оставили только из жалости. Просто сыночек мой Макс оказался ранимым, да люди глазастыми. Если бы не судачили, я бы тебя в приют сдала.

– Спасибо, бабушка! Вы мне одолжение сделали. Узнать о себе правду – роскошь для любого человека. Ликуйте, вы превзошли мои ожидания! Это – самый лучший подарок, какой я и не ожидала получить.

– Вот именно, подарок. Помни, что я тебе подарила достойную жизнь, выучила тебя. Крышу над головой дала. Но думаю, этому надо положить конец.

– Не волнуйтесь, я избавлю вас от своего присутствия. Вечером я поговорю с папой.

Я ни минуты больше не могла находиться в компании бабули, да и наговорили мы друг другу достаточно. Я убежала

в свою комнату и замкнулась на ключ. Меня трясло от собственной ничтожности. Я ненавидела себя за то, что родилась не в то время и не в том месте. Снова и снова я прокручивала в голове нашу ссору. Мне хотелось рыдать в полный голос. Но такого удовольствия я бабуле не доставлю.

– Тома, ты слышала, что эта соплячка мне тут наговорила? – с наигранно возмущенным видом произнесла Мариэта Павловна.

Складывалось впечатление, что ссора ее не столько позлила, сколько позабавила. Она – эмоциональный вампир! Бабуля выдохнула, словно скинула тяжкую ношу, и с облегченным видом, почти порхая, пошла на кухню. Она сетовала на тяжелую жизнь так громко, что мне было слышно ее даже через стены. Но повару, женщине лет сорока, миловидной и опрятной, были безразличны чужие семейные ссоры. Она оставалась невозмутимой. Вероятно, сказывался опыт работы в стрессовых ситуациях.

Воспользовавшись моментом, Тамара улизнула из гостиной. Она тихо постучалась в мою дверь. Я не заставила себя ждать и отворила тут же. Женщина входить не стала, а лишь протянула мне ладонь с успокоительным.

Я сразу проглотила несколько гранул, не запивая их водой. Время от времени мне становилось тошно от злости то на старуху, то на себя. И вдруг на меня нашло озарение. В голове все прояснилось – я лишняя на этом празднике жизни. Все, что мешает всеобщему счастью – так это только мое

присутствие. Наверное, без меня все вздохнут с облегчением. Можно было бы сбежать, но куда? По поддельному паспорту и с деньгами – да куда угодно! Мне срочно нужно поговорить с Зоей. Я отыскала на столе среди тетрадок сотовый и набрала номер Зои, но как назло ее телефон был недоступен. Набрала отцу – он не ответил на звонок. Все точно сговорились...

Я приняла единственно верное решение: вечером поговорить с отцом о переезде в общежитие университета. Многие студенты на время каникул остаются работать в Москве и самостоятельно оплачивают пансион. Пожалуй, это выход!

Слабость и сонливость овладели моим телом и разумом. Я рухнула на кровать и уткнулась лицом в подушку. Мне стало жаль себя горемычную, и я дала волю эмоциям. Слезы текли ручьями, и вскоре подушка стала влажной. Так вот каково взрослеть! Зоя права – жизнь трудная и непонятная, и мне, «неоперенной», будет сложно летать на ее просторах.

Как ни странно, время пролетело быстро. Наступил вечер, но солнце даже и не думало скрываться за горизонт. Я не следила за временем и, конечно же, не знала, который час. Меня не беспокоили. И я – виновница торжества – вовсе не беспокоилась, что праздник проведут без меня. Возможно, я до сих пор находилась под действием таблеток.

Только я подумала, как здорово, что обо мне забыли, как в дверь постучались.

– Не заперто, – произнесла я отстраненно.

Тамара вошла в комнату с каменным лицом.

– Тамара, что с вами? Вам плохо?

Женщина проигнорировала мои вопросы.

Она стояла с озадаченным видом, словно подбирала слова, чтобы сообщить что-то очень важное. Немного промешкавшись, женщина все же собралась с духом и произнесла вовсе не то, что я ожидала услышать:

– К тебе пришли. Это стилист. Ее проводить?

– Ох, я совсем забыла. Прическа и макияж. Пусть она проходит сюда.

Мне не хотелось покидать своей комнаты. Здесь – моя крепость, и покинуть ее, значит, ослабить оборону. Бабуля непременно воспользуется моей уязвимостью и постарается в очередной раз пристыдить меня. Еще одной такой словесной бравады я не переживу.

Мне казалось, день и так испорчен дальше некуда, и если из меня сделают размалеванную Барби – не огорчусь. Девушка оказалась опытным специалистом. Она быстро уложила мне волосы, сделала романтический макияж и помогла одеться. Провожать я ее не стала, это сделала Тамара. Девушка на прощанье дала несколько советов, как поправить прическу и, получив оплату, ушла.

Теперь, я могла выйти из своего «убежища». Скоро гости начнут собираться, и бабушка навряд ли затеет новую провокацию в мой адрес. Но чувство опасности, предательски засевшее глубоко в груди, не покидало ни на минуту.

Мы с бабушкой не общались и даже не смотрели в сторону друг друга. На ее лице, кроме лукавой натянутой улыбки, не было выражено никаких эмоций. Тамара же, напротив, была бледна. Уголки рта опущены вниз. За оставшееся до прихода гостей время она не произнесла ни слова. Даже когда пришли официанты, она, молча, проводила их в комнату, где они смогли бы переодеться, и жестами показывала, чем им заниматься. Я недоумевала, что случилось у Тамары. Неужто ее так задел наш скандал? Конечно же, я отдавала себе отчет в том, что при посторонних невежливо выяснять отношения. Но Тамара не раз была свидетелем бабулиных истерик, которые с регулярной постоянностью демонстрировались в нашем доме. И, как человек воспитанный, делала вид, будто не замечает их. Почему же сейчас у нее такой угнетенный вид, приводящий меня в панику?

Гости пришли вовремя и принесли мне подарки. Впрочем, ни один из принесенных подарков так и не оказался в моих руках. Все принимала бабушка, искренне благодарила и тут же передавала пакеты персоналу. Я не могла выдать обиду, это могли расценить как невоспитанность и раздосадовать гостей, поэтому я все стерпела и стояла подле Мариэтты Павловны, учтиво улыбаясь.

– Сейчас ты подойдешь к столу, извинишься перед всеми, и скажешь, что приболела, – сквозь зубы предрекла бабуля.

– Но я голодна, я ничего сегодня не ела! – так же тихо возмутилась я.

– Тамара принесет тебе что-нибудь в комнату, но видеть тебя за столом я не желаю!

– Мне нужно поговорить с отцом.

– Он этого не хочет!

– Что? Почему?

– Он, так же, как и я, считает, что ты избалованна, и будешь наказана. К сожалению, отменять торжество было поздно, поэтому разумно в наказание лишить тебя праздника.

– Честно говоря, не очень-то и хотелось! – дерзко фыркнула я.

События приняли неприятный для меня оборот, но я не переживала по этому поводу. Я гордо проследовала в гостиную и, как мне было велено, поблагодарила гостей за подарки и визит. Но сразу уходить к себе не стала. Мне необходимо поговорить с папой.

– Папа, мы можем уделить мне пару минут? – обратилась я вполголоса к отцу.

Отец улыбнулся гостям и проследовал за мной. Аннушка придержала его за локоть.

– Дорогой, неудобно. Скажи, что придешь позже, – прошипела она.

Когда я увидела эту картину, моему возмущению не было предела. Мне захотелось сорваться на крик, но я сдержала порыв. Я в недоумении уставилась на Аннушку. Скорее всего, бабуля уже успела напеть им о ссоре. Теперь мне было не

до любезностей. Я должна изложить отцу свою версию случившегося, так сказать, реабилитировать себя в его глазах.

– Что происходит? Вы что, сговорились? – перевела я взгляд с отца на Аннушку, а после и на бабулю.

– Извините нас, – вмешалась бабушка, все так же лукаво улыбаясь. – Я же говорила, что Рената не в себе, ей нездоровится. Иди к себе немедленно, – не унимая улыбки, сквозь зубы процедила бабуля.

Я удалилась, так и не дождавшись поддержки от людей, на которых больше всего рассчитывала. От накативших слез стало нечем дышать. Ноги были тяжелыми и вялыми, то и дело подкашивались, и если бы не стены, то я бы падала на каждом шагу. Войдя в комнату, я села за письменный стол. Положила голову на столешницу. Глянцевое покрытие отражало нечеткий силуэт моего лица. Мне казалось, что для всех я такая же размытая, нечеткая, абстрактная, как и мое отражение. Я настолько ничтожна, что даже не могу постоять за себя.

За окном сгущалась тьма, а отец так и не пришел. Только теперь я заметила, что звуков почти не слышно. Я открыла дверь, чтобы понять, что происходит. Прошла в гостиную. Судя по тому, что стол почти убран и никого из гостей не осталось, праздник закончился. Официанты маячили с подносами, Тамара перемывала посуду на кухне.

– Тамара, скажите, а мой папа уже уехал?

– Да, сразу после того, как... – женщина, замявшись и

оглядевшись, перешла на шепот, – как Мариэтта Павловна сообщила ему о смерти супруга.

– Что? Дедушка умер? – так же шепотом переспросила я. – Как? Когда? Что произошло?

– Я не должна была тебе об этом говорить. Меня могут уволить.

– Тамара, хоть вы пощадите меня. Я – член этой семьи, но со мной никто не считается. Даже о смерти деда не сообщили.

– Максим Васильевич, – продолжила женщина, уже не опасаясь, что нас кто-нибудь услышит, – был вне себя от злости на Мариэтту Павловну. Она никому не сообщила о трагедии, и даже не отменила мероприятие.

– Да уж! Как на нее похоже. Для бабули жизнь – сплошной праздник. Дед давно был для нее обузой. Вот и решила бабушка и это событие заодно отметить.

– Фу, как гадко! – возмутилась Тамара. – Ты не должна о ней так думать. Она готовилась к торжеству, потому что сегодня твой отец обручился с Анной Сергеевной.

– Что? Отец женился? – я оторопела. – Сколько новостей за один день. Понятно, почему отец не отвечал на звонки. А сейчас где все?

– Гости разошлись в девять, я едва успела подать десерт. А после Максим, Аня и Мариэтта Павловна поехали в клинику оформить какие-то бумаги.

В очередной раз я убедилась в том, что для домочадцев я

пустое место. Я значу меньше, чем домашний питомец. Кем я была для родных, если мне даже не сообщили ни о свадьбе папы, и уж тем более о смерти деда? Никем и звать меня никак. Мариэтте Павловне я мешала жить полной, праздной жизнью; отцу – проводить время с любимой женщиной, так как он вынужден много работать, чтобы оплачивать мое лечение; Аннушке – я и вовсе чужая, и терпит она меня только потому, что я бесполезное приложение к отцу.

Я бессмысленно слонялась по комнатам до тех пор, пока дом не покинули последние люди. Они тоже меня не замечали. Уходя, прощались с Тамарой, в мою сторону даже и не смотрели. Досада раздавила меня полностью. Не хочу больше так жить. Я больше жить не хочу.

Глава 3. Послесмертие

Острые камни обветренной бетонной плиты впивались в мои ступни, как сотни осколков. Ветер с неистовой силой терзал мое праздничное платье, тщетно пытаюсь разорвать его в клочья. Холодные капли вонзались в лицо и руки, словно тысячи иголок.

Я впервые видела такое черное небо. Внизу все казалось не настоящим: лужайка, деревья, асфальт. Снизу, с аллеи, ко мне тянул руки белокурый ангел, призывая освободиться от боли. Но и он был не настоящим. Галлюцинации.

Я не знала, зачем я здесь...

Не было ни страха, ни сожалений. Только обида, терзающая все мое нутро, не унималась. Стоя на краю крыши, под этим бесконечным небом, я особенно остро чувствовала свою ничтожность. Нет, это была не жалость к себе, а скорее ненависть к жизни. Само мое существование было ошибкой, которую я спешила исправить.

Перешагнув перила, я поняла, что задуманному больше ничего не мешает. Вдруг умолкли звуки, стих ветер. Я еще раз взглянула на небо: оно все сильнее нависало, погружая город в черноту. Закрыв глаза, я жадно сделала последний вдох.

Шагнула.

Какой страшный сон! Но все-таки, какой реалистичный. Я запомнила все: и свист в ушах от ветра, и угнетающее давление собственного тела, и вздувшиеся, точно шарики, вены, и тупой приглушенный звук удара оземь, и резкую боль, пронизывающую плоть, и невероятное облегчение, когда боль испарилась.

Конечно же, это был только сон. Разве могло со мной такое случиться на самом деле? Нет, нет, и еще раз нет! Просто кошмар приснился! Говорят, если летаешь во сне, значит, растешь. Я, наверное, очень сильно подросла!

Открыв глаза, я долго не могла разглядеть очертания спальни. Несколько раз моргнув, я попыталась встать, но тело будто не слушалось. Такое уже не раз случалось со мной. Мышцы затекали от длительного пребывания в одной позе. Скоро должно пройти.

Я собралась с силами и приподняла голову. На лице что-то мешалось. Я хотела было сорвать непонятную вещицу с лица, но ударилась локтями о стены. Последовал глухой звук ударов. Я запаниковала. Судорожно обшарила ладонями все, во что я могла упереться. Твердая доска вместо матраса, по бокам – обтянутые тканью стенки, а сверху – трапециевидный потолок. Ноги упирались в стену. Сделав отчаянную попытку выбить дно, я ударилась коленом о верх. Опять последовал глухой звук. Нет никаких сомнений: я заперта в ящи-

ке.

Сделав большой вдох, я постаралась успокоиться. Крепко зажмурилась. Сосчитала до десяти. Прислушалась. Царила мертвая тишина. Ни шороха, ни звука. Я даже не слышала своего дыхания и, как ни странно, биения сердца тоже не ощущала.

Я не имела ни малейшего представления, где нахожусь и что происходит.

Я снова открыла глаза. Чернота, окутавшая меня, вдруг рассеялась. Теперь я видела абсолютно все, будто каждый предмет отливал фосфатным свечением. Тряпка, опутавшая мое лицо, оказалась не чем иным, как вуалью с роскошным кружевом мелкого плетения. Сквозь вуаль проглядывалось белое платье, также отделанное кружевом и еще рюшами. Я была одета как невеста. А этот странный ящик действительно обит тканью изнутри. Белым шелком.

Это что, чья-то шутка? Как такое произошло? Кто со мной такое сотворил? Что вообще здесь происходит?

Первое чувство шока и паники сменилось неистовой яростью. Я изо всех сил стала колотить по ящику. Сорвала обивку и добралась до деревянных досок. Что было мочи, я царапала и била этот «саркофаг», пока, наконец, не полетели щепки, и доска сверху не проломилась. Через образовавшуюся пробоину на меня посыпались комки грязи. Ее странный кислый привкус и затхлый серный аромат совсем поставили меня в тупик. Как я оказалась погребенной? Заживо?

Сама не знаю как, но во мне пробудилась невиданная мощь. Я выбила ладонью доску. Меня придавила плотная масса земли, обрушившаяся лавиной. Прорывая себе путь наверх, я горела лишь одним желанием: отомстить тем умникам, кто сыграл со мной такую зловую шутку. Поверхность встретила меня тяжелым и плотным туманом. Это была спасительная прохлада, оценить которую мне довелось только теперь. Как же я рада была оказаться твердо стоящей на земле!

Я жадно глотала воздух, но не могла надышаться. Не ощущала его ни на вкус, ни на запах. Дрожащими ладонями я ощупывала руки, ноги, туловище, голову. Все цело. Но тело словно горело изнутри. От жара не спасала даже окутавшая прохладой туманная дымка. Я испытала облегчение, что смогла выбраться из ямы и твердо стоять на ногах. Теперь можно отправиться домой, чтобы учинить разборки.

Туман стелился плотным покрывалом, укрывая мои ступни и подол платья. Над головой нависало тяжелое черное небо, в точности как во сне. Я пристально вглядывалась в серую дымку. Она, точно летающий дракон, причудливо вилась вокруг меня. Сквозь движущиеся потоки сырого воздуха я смогла разглядеть силуэты крестов, плит и статуй. Но сознание упорно отрицало очевидные догадки. Туман отступил, обнажив босые ноги. Струи воздуха ползли от меня прочь. Передо мной возвышался свежий, еще пахнущий деревом крест, с прибитой табличкой: «Рощина Рената Макси-

мовна 09.07.1992 г. – 09.07.2010 г.».

– Этого просто не может быть! – произнесла я дрожащим голосом. – Меня не могли похоронить – я жива, жива, жива!

От досады и ярости я, что было сил, заорала, но вместо вопля издала дикое рычание, оглушившее меня. И чем сильнее я выдавливала крик, тем громче и утробнее раздавался рев.

Оказавшись в окружении могилки и покосившихся крестов, трудно было поверить в реальность происходившего. Это точно розыгрыш, очень злой и беспринципный. Шутка затянулась.

Несколько минут мне потребовалось на то, чтобы успокоиться. Нужно поскорее выбираться отсюда. Я еще раз оглядела себя: вид был тот еще. Платье измазано грязью, подол и рукава подраны в клочья, руки и ноги в грязи, волосы спутаны – с них еще осыпается пыль. Отряхнувшись (будто это спасло бы мое положение), я поплелась между могилки в неизвестном направлении. Дороги я не видела и блуждала между холмиков, пока не наткнулась на забор. Я пошла вдоль забора в надежде, что рано или поздно приду к выходу.

Впереди я увидела высокие арочные ворота. Теперь можно вздохнуть с облегчением. Наверняка там есть люди, которые мне помогут. Подойдя поближе, я поняла, что ворота заперты. За ними просматривалась хорошо освещенная аллея, которая, судя по доносившемуся шуму, вела к трассе. Вдоль аллеи справа и слева аккуратными стройными ря-

дами располагались еще могилы. Значит, выход отсюда был через все кладбище, там вдалеке, где еще ездят автомобили. Я собиралась перелезть через ворота, но только коснулась их ладонью, как вдруг меня ударило током и отбросило на пару метров назад. Я повторяла попытки снова и снова, пока от падений не услышала, как, ломаясь, хрустят кости. Спустя мгновения они заново срастались, причиняя мне невыносимую боль. С каждой неудачной попыткой я становилась все озлобленнее и сильнее. Зарождавшаяся внутри меня мощь требовала освобождения. Я, не раздумывая больше ни секунды, перемахнула через ворота. Приземлилась мягко и бесшумно. Клубы тумана завертелись легкими вихрями и запутались в волосах и подоле платья. Невероятные метаморфозы моего тела изумляли и пугали, но в то же время я испытала неподдельный восторг. С новообретенными силами я смогу наказать своих обидчиков, тех, кто посмел меня похоронить заживо.

Какие чувства и эмоции должен испытывать человек, который только что выбрался из могилы? Каково бродить одной ночью по кладбищу? И главное: что дальше? Куда идти?

Я не спеша шла по вымощенной камнем тропе вдоль кладбища в сторону шоссе, понимая, что не знаю своего адреса. Я даже не могла вспомнить, на какой улице жила. Дом, в котором отец приобрел для нас квартиру, был двадцати- или более этажным, потому как наша огромная квартира находилась на последнем этаже. Парадная была из металла и стек-

ла. Первые два этажа, отданные под офисы, ярко освещались прожекторами и рекламной подсветкой. Перед домом всегда было много машин и людей, даже ночью. Недаром говорят, что «Москва никогда не спит». Но где точно размещалась высотка, я не знала.

Я старалась припомнить любые детали, которые смогли бы привести меня к дому. Но память упрямо скрывала и название улицы, и номер дома.

Память – странная штука! Я вдруг вспомнила бабулю, как она, не жалея духов, обмазывает ими каждый открытый участок кожи. Этот резкий слащавый цветочный аромат мне не забыть. Неспроста я упомянула старуху. Я будто бы чуюла ее аромат и сейчас. Он доносился справа от меня. Я свернула с тропы и шла на запах, минуя надгробья. Запах стал резче, и к нему добавился аромат свежей древесины и жженого ладана.

Я остановилась напротив могилы, покрытой венками и свежими цветами. В основании был вкопан деревянный крест, совсем как на моей могиле, с такую же металлической табличкой-временкой с датами жизни и смерти: «Роцин Василий Степанович 12.09.1951 г.-09.07.2010 г.». Здесь была могила моего деда. Странное дело: дата смерти совпадала с конечной датой на табличке, которая была закреплена на кресте, из-под которого я выбралась; на кресте, где была моя могила. Я не знала подробности его смерти, но отчетливо помнила, как Тамара сообщила мне об этом. В том, что дед умер, ничего странного не было – он долго болел и послед-

ние годы провел в госпитале. Но каким образом и я оказалась похороненной? Что же произошло? Как долго я провела под землей?

Запах снова всколыхнул мое обоняние, и я последовала за ним. Не чувствуя под ногами тверди, я точно летела по воздуху, стараясь не упустить из виду незримую ароматную нить. Возможно, она приведет меня домой. Я мчалась сверхбыстро, оставляя далеко позади могилы, ограждающий кладбище забор, и угнетающее присутствие смерти. Опомнилась лишь когда в глаза ударил яркий свет фар пролетевшей по шоссе машины.

Я выбежала на трассу. Машины мчались в обе стороны, даже не притормаживая. Еще одна машина проехала рядом, так близко, что я почувствовала, как разорванный ею воздух закружил меня. По сторонам – никаких опознавательных знаков. Я и понятия не имела, в какой стороне дом.

Я безуспешно пыталась остановить машину. Никому, казалось, до меня и дела нет. Неужто перевелись сострадательные люди? Кто-то выкрикивал: «Куда прешь, дура?» Но, ни один из них не остановился.

Я плелась по дороге, пока она не вывела меня на оживленный проспект. Бесконечная цепочка фонарных столбов убегала вдаль. Рекламные вывески яркими пятнами раскрашивали ночь. Люди обходили меня стороной. Кто-то крутил пальцем у виска, а кто-то показывал жестом, мол, как круто оттянулась невеста. Я находилась в растерянности.

Может быть, я сплю, и моя фантазия погрузила меня в кошмар? Откуда такое чудовищное воображение? На правду это не похоже, такого не бывает! Я отказывалась воспринимать *такую* действительность. Ведь не может человек вылезти из могилы и бродить по ночному городу как ни в чем не бывало. Надо себя заставить проснуться. Я крепко зажмурилась. Паника росла.

– Эй, ты? – послышался грубый мужской голос за спиной. Я очнулась. Все та же залитая неоновым разноцветьем улица, все те же малочисленные компании подвыпивших людей, все та же я в подвенечном платье.

– Ну ты, мать, и даешь! – какой-то пьяный бугай подкатил ко мне с видом похотливого самца. – Ты откуда такая ряженая?

Я стояла не двигаясь. Если я не отреагирую, то он отвалит. Бугай с початой бутылкой «Текилы» обходил меня кругами, разглядывая как уличную девку. Я замерла. В отражении витрины я следила за его силуэтом. Он, как хищник, облизывался. Глаза его жаждали моего тела. Я боялась сделать лишнее движение, чтобы не спровоцировать его. Я произвольно перевела взгляд на свой силуэт. Платье, кусок фаты поверх него и туфли отражались, а я – нет. Парень тоже это заметил. Он осунулся. Подался вперед. Теперь в витрине отражались два неподвижных силуэта: человек с бутылкой и недочеловек без тела.

– Привет, милый! – раздался за спиной до боли знакомый

женский голос.

К нашим силуэтам добавилась еще одна фигура, которая отвернула парня от витрины. Ее лицо тоже не отразилось. Только черный костюм, что, как вторая кожа, обтягивал ее точеную фигуру. Парень повалился наземь. Тут рукав потянулся ко мне, и я ощутила прохладное прикосновение. Я обернулась. Это была Зоя. А возле ее ног лежал, распластавшись звездой, бугай с застывшей счастливой улыбкой на лице.

– Он жив? – спросила я.

– Да, к несчастью, – девушка пренебрежительно посмотрела на «тело», – он мертвецки пьян.

Я перевела растерянный взгляд с парня на Зою. И тут до меня, наконец, дошло: спасение!

– Зоя? Зоя! – с восторгом отозвалась я. Я бросилась к девушке на шею. – Зоя, со мной такое приключилось...

Зоя холодно меня встретила. Она отпрянула от меня.

– Что ты тут делаешь? В городе?

– Ты не поверишь! – пропищала я. Я отчаянно пыталась давить в себе эмоции, которые сплетались гремучим канатом на шее и мешали говорить.

– Я шла за тобой. Как ты выбралась... в смысле за пределы... за забор? – в этот момент она волновалась куда больше, чем я.

– Я перемахнула через забор.

– Как? Такое не возможно! Это ненормально!

– Еще недавно я была погребена заживо – вот что ненормально!

– Ни звука! – приказала девушка.

К нам уже торопились друзья несостоявшегося ловеласа. Их было пятеро. Все крепкие на вид и, по-моему, очень рассерженные. Зоя прихватила меня под локоть и поволокла на другую сторону улицы, ловко маневрируя среди машины. Мы пересекли проспект. Наш путь лежал в сторону клуба, где толпились люди, желавшие посетить его.

Зоя кивнула охраннику на входе, и мы беспрепятственно вошли внутрь.

Глава 4. Новый дом

Ночной клуб назывался «cold-blooded» (хладнокровные). Толпа голосила за нашими спинами от возмущения. Очередь растянулась на несколько метров. Все хотели попасть в роскошный клуб. Но одного взгляда бородатого громилы-охранника хватило, чтобы толпа затихла.

Мы спустились вниз по лестнице. Перила подсвечивались красным цветом. На стенах были разводы и отпечатки ладоней, похожие на кровавые следы. Все это нагоняло страху. Лестница спускалась на пару этажей вниз, и чем ниже мы спускались, тем громче доносилась музыка. Я представляла себе обшарпанное подвальное помещение с ужасающими декорациями в лучших традициях западных триллеров. Но, вопреки моим ожиданиям, клуб оказался готически роскошным. Высокие потолки растворялись в световой иллюминации звездного неба и громадной луны. Широкие колонны-опоры были облицованы камнем и подсвечены красными диодами, по которым попеременно бежал свет. Они напоминали кровеносные сосуды с движущимися потоками телец. По полу растянулись клубы дыма плотно окутывавшего ноги танцующих. Официантки в кожаных топах и шортах разносили напитки, за баром стояли молодые парни в плащах «Дракулы». Звуки музыки оглушали. Было четкое ощущение, что все вокруг пульсирует, как кабинка ди-джея, пред-

ставляющая собой инсталляцию человеческого сердца. Задумка дизайнеров, как и название клуба, себя оправдывали – кровь действительно стыла, зрелище не для слабонервных! По периметру возвышались отдельные кабинки в три яруса. К ним вели винтовые полупрозрачные лестницы из стекла и металла. Они словно парили в воздухе. Кое-где в кабинках приватно уединившись, сидели люди. Их ложа были затянуты легкими занавесями. Но большая часть кабинок пустовала. Несмотря на размеры клуба, людей было не так уж много. Пожалуй, здесь могла бы с комфортом разместиться вся та галдящая толпа снаружи.

Зоя провела меня через танцпол напрямиком в зону с названием «VIP». Мы прошли в дальнюю кабинку. Она усадила меня на диван и жестом пригласила официантку. Зоя что-то шепнула той на ухо, а сама удалилась. Официантка поставила на столик бокал с красным напитком и присела на противоположный диван, не сводя с меня взгляда.

Я впервые оказалась в ночном клубе. Но мне было не до веселья. Я до сих пор не понимала, что происходит, и отказывалась принимать все как должное. На мои вопросы официантка лишь улыбалась, словно ни слова не понимала по-русски, и кивала из вежливости. Диван был слишком мягким, и я никак не могла найти себе места. Отчасти потому, что с нетерпением ждала Зою, чтобы рассказать ей свою нелепую историю, отчасти потому, что мне было здесь некомфортно и страшно.

Зои давно не было, и я уже было собиралась пойти на ее поиски, как вдруг к моим ногам кинули молодого парнишку. На вид моего возраста. Правая рука его от локтя до запястья была окровавлена, а сам он находился в полусознании. Он, парень, не выглядел измученным, скорее довольным.

– Приложись! Тебе нужны силы, – сказала Зоя.

Зоя возвышалась над парнем и надменно смотрела на бедолагу сверху вниз. Она на полном серьезе предлагала мне испить его крови, словно это был пакетик с соком.

От вида крови меня начало мутить, живот скрутило в узел, рот наполнился слюной. Я с трудом сглотнула и отвернулась.

– Что? Нет! Никогда! Я не стану, – упиралась я.

– Как хочешь, – равнодушно произнесла Зоя.

Она пережала ему руку повыше раны, чтобы остановить кровь, и потом прикоснулась к порезу губами. Официантка вытерла ему руку проспиртованной салфеткой и удалилась. Зоя несколько раз ударила парнишку по лицу, и тот очнулся.

– Эх, какой ты слабенюкий! – Зоя игриво приласкала его ладонью. – Аккуратней с алкоголем.

Парень, как ни в чем не бывало, поднялся на ноги, отряхнулся, извинился и вышел вон.

– Ирина еще не знает, что ты уже здесь, – обратилась Зоя ко мне. – Она будет позже.

Я не сразу поняла, о ком идет речь, и не стала вдаваться в подробности. Меня больше интересовала реакция Зои при

встрече со мной. Она наверняка сможет мне ответить на вопросы.

Я несколько замешкалась, собиралась с мыслями. Я не знала, что именно спросить в первую очередь. Вопросов было так много, что они все так и толпились в голове, грозясь сорваться с языка бурлящим потоком. Я решила начать расспрос с самого начала, в смысле с конца, вернее с моей кончины.

– Зоя, что со мной случилось? Я пару часов назад выбралась из-под земли и, к своему удивлению, поняла, что меня похоронили. Как такое могло произойти?

– Ты умерла, – потягивая напиток, произнесла девушка, – и тебя похоронили.

– Что? Почему я умерла? Когда?

– Ты что, ничего не помнишь? Ты спрыгнула с крыши. Это произошло, – Зоя взглянула на наручные часы и продолжила: – трое суток и четыре часа тому назад.

Я пребывала в растерянности.

– Почему я спрыгнула с крыши?

– Ты мне расскажи, – девушка смотрела на меня испепеляющим взглядом. – Ты хоть понимаешь, что надела?

– Я ничего не понимаю, – я была в замешательстве. – Это невозможно! Я здесь, я хожу, говорю, значит...

– Ты теперь одна из нас, – сухо произнесла девушка, и в ее голосе прозвучали нотки разочарования, – наследница проклятия, гомотог, оживший мертвец, упырь, проклятое созда-

ние и прочее.

– Я не могла...

– Рената, – девушка смягчила тон, – ты действительно ничего не помнишь?

Я покачала головой. Воспоминания были обрывочными. Перед глазами один за другим возникали образы людей знакомых и не очень. Отец, его спутница, люди в нашем доме, бабуля.

– Кажется, что-то есть, – воодушевленно произнесла я. – Ты знаешь, там, на кладбище, меня привлек аромат духов, которыми пользовалась бабушка. Он так явно висел в воздухе, что я решила последовать за ним. Сначала запах привел меня на могилу деда...

– Ты бродила по основному кладбищу? – удивилась Зоя. Она была весьма озадачена и несколько напугана. Она задумчиво свела брови. Ее явно настораживал мой рассказ. – Продолжай, – попросила она.

– А после запах вывел меня из кладбища. Я решила, что бабуля где-то неподалеку, но ошибалась. Ну, а потом встретила тебя, – я не знала, что еще добавить, и поэтому умолкла, в надежде, что девушка хоть как-то прольет свет на странные события. Но она тоже молчала.

– Зоя, – потревожила я девушку, – нас с дедом хоронили в один день?

Девушка кивнула в ответ.

– А почему в разных местах?

– Самоубийц хоронят отдельно, за чертой основного кладбища, – девушка видела мою заинтересованность и не стала томить молчанием. – А знаешь, единственным, кто присутствовал на твоих похоронах, был твой отец. Он был убит горем, что даже не произнес ни слова. Еще бы, ведь рядом была и могила Ирины. Он корил себя, что потерял и любовь и плод этой любви, – Зоя заметила, что я сникла, и сменила подачу повествования на более непринужденную. – Зато на похоронах Василия Степановича было многолюдно и весело. Были пламенные речи, наигранные рыдания и обмороки – и все в лице Мариэтты Павловны! Как говорится, и смех и грех.

– Зоя, как мне дальше жить? Куда мне идти?

– Это не мне решать, – ответила девушка, – а Ирине.

– Здравствуй, Рената! – донесся мелодичный бархатный голос, показавшийся мне знакомым.

В кабинку бесшумно вошла молодая и очень красивая женщина. Она грациозно присела рядом с Зоей. Элегантно перекинула черные шелковые локоны на правое плечо. Ее кожа была совершенно белой. Большие синие глаза, аккуратно подведенные тонкими стрелками по верхним векам, сияли. Стройная черета длинных и густых ресниц придавала ее глазам еще большую выразительность. Алая помада выделяла пухлые губы. Белая блузка с вырезом декольте намеренно подчеркивала пышный бюст. Талия была затянута поясом-корсетом, что усиливало эффект ее стройной фигуры.

Плотно прилегающие брюки дорисовывали силуэт стройных ног. Женщина выглядела, как модель из рекламы дорогих авто.

– Мама?! – удивилась я.

Я с трудом различила в ней знакомые черты. Она лишь отдаленно напоминала мне ту женщину, изображенную на фото, которое я прятала под матрасом. Одна-единственная фотография мамы, что с таким трудом я сохранила втайне от Мариэтты Павловны.

– Ты удивлена? – начала женщина, – Разве тебе неизвестно, кто я?

Ирина недоумевала. Она вопросительно смотрела на Зою, которой нечего было пояснить или возразить.

– Рената, – по-доброму отозвалась женщина, – жаль, что ты так ничего не узнала при жизни. Жаль, что не дождалась ответов. Жаль, что все наши с тобой жертвы оказались напрасны. Зоя, – обратилась она к девушке, – принеси ей что-нибудь из одежды. Это платье ей уже никогда не понадобится.

Зоя ушла. Мы остались вдвоем. Меня разрывало на части от боли. Мне не терпелось поскорее припасть к ее рукам и обнять. Я протянула к ней руки.

– Мамочка, как же я рада, что ты жива! – тараторила я. – Я надеялась. Мне хотелось верить. Я видела послания, но бабуля не давала их прочесть.

– Тише, тише, тише! – убирая мои руки от себя, точно бо-

ясь замараться, произнесла женщина. – Не обижайся! Кладбищенская земля мне отвратительна! Понимаешь о чем я? – Она лукаво улыбнулась, намекая на свое «воскрешение». Она продолжила в более сдержанной манере, – именно поэтому я приставила к тебе лучшего своего стража – Зою. Я знала о тебе если не все, то многое. Источником информации также была Мариэтта Павловна, а «явкой», – мама снова улыбнулась, – был салон «Диваль». Он принадлежит Ветви. И там работают очень проницательные мастерицы сплетничать и послушать сплетниц. – После женщина уже не улыбалась, а в ее голосе зазвучал металл. – Я спланировала для тебя жизнь свободную и безмятежную. Но теперь уже поздно о чем-то жалеть. Давай договоримся сразу: я – тебе не мать, ты – мне не дочь, ты рядовой член Ветви, до тех пор, пока... не пожелаешь... иного...

Женщина проямлила последние слова, умолкла в задумье, и молнией выскочила из кабинки. Ее что-то насторожило. А смена ее настроения насторожила меня. Вот так, одной фразой, я, едва обретя мать, тут же ее потеряла. Мне стало так паршиво, что впервые в жизни я по-настоящему хотела оказаться мертвой. Никому не нужная ни тогда, в прежней жизни, ни теперь, в жизни после смерти.

Вскоре появилась Зоя. Она принесла мне стопку аккуратной сложенной одежды, небольшое полотенце и ведро (которое используют для льда) с теплой водой. Я выбрала джинсы и майку и положила их рядом. С меня до сих пор сыпа-

лась пыль. Я поскорее хотела избавиться от платья и принять душ.

– Снимай все, – дружелюбно сказала Зоя. – Я тебя оботру.

Сначала Зоя расшнуровала затянутый сзади корсет. Я стянула рукава, и платье с приятным шорохом опустилось на пол. Я оставалась в белье, рваных чулках и изрядно потрепанных лодочках. Зоя бережно водила теплым влажным полотенцем по моему измученному телу, едва касаясь ссадин в области ребер.

– Я думала, – сказала она, обнаружив кровоподтеки, – что заживление будет быстрее происходить. За трое суток твои кости должны были полностью срастись, а синяки и ссадины рассосаться.

– Кажется, это следы от недавних падений. На кладбище внутренние ворота были под током. Меня пару раз отбросило с невиданной силой, – похвасталась я, одеваясь.

– Тебя не током било. Это «Синьяторум», означает «запечатанные», невидимый барьер, который ограждает вновь пробудившихся гомотогов от святой земли, – пояснила она. – Именно поэтому, таких как мы, хоронят отдельно. Так легче выследить упыря и расправиться с ним – умертвить раз и навсегда.

– А говоря «такие, как мы», что ты имеешь в виду?

– Наследники Лилит, в чьих жилах течет проклятие.

– Проклятие? Что это?

– Длинная история. Расскажу как-нибудь. Лучше ответь,

как ты смогла попасть на *ту* часть кладбища?

– Я перепрыгнула через ворота. Это невероятно, но у меня было ощущение, что получится, и получилось! – с неподдельной радостью сказала я.

– Это невозможно! – расплылась Зоя, – Ты говорила об этом Ирине?

– Она не стала меня слушать, – сказала я, – и мне кажется, она уже никогда со мной не заговорит.

Я всегда думала, что это мама меня предала. Покончив с собой, она не себя от мук избавила, она меня на муки обрекла. Но, оказалось, что все эти годы она ждала моего совершеннолетия, чтобы заявить о себе и подарить будущее. И что в итоге: я оказалась предателем. Да, и какое будущее может быть у существа, которое даже не дышит.

Действительно, я не нуждалась в регулярном дыхании. Мой организм начал работать иначе. В отсутствие некоторых органов он перестроился. Я еще до конца не представляла, кем являюсь, но уже точно понимала, что человеческого во мне осталось мало. Кем я теперь стала? Почему сохранила рассудок и чувства? Как теперь общаться с отцом?

– Ирина – жесткая и принципиальная. Но у нее есть одна отличительная черта. Она – стратег. У нее все спланировано на несколько шагов вперед. Ее трудно застать врасплох.

– Кажется, я ее удивила, – иронично заметила я.

– Да уж! – также иронично улыбнулась Зоя. – Ты даже не представляешь, что тебя ждет!

Зоя смотрела на меня по-доброму, как раньше, и я почувствовала облегчение. Когда рядом родственная душа, не знаю, насколько уместно говорить о душах в моем положении, то становится не так страшно существовать. В прежней жизни она была самым родным для меня человеком. Я ей тоже была небезразлична. Кажется, мы не утратили взаимной привязанности и теперь. Впервые у меня возникло ощущение, что все плохое позади и можно, наконец, выдохнуть спокойно! Мне не хватало моей комнаты, где я могла побыть в полной тишине и изоляции. Но в данной ситуации выбрать не приходится.

– А что за проклятие? И кто такая Лилит? – тихо спросила я.

Зоя пересела ко мне поближе. Обняла. И мы откинулись на спинку дивана. И, как прежде, в духе «сказки на ночь», она поведала мне историю Лилит.

Глава 5. История Лилит

Лилит была первой женщиной, сотворенной богами. И отдана в жены богу, который сошел с небес и стал Человеком. Они должны были создать потомство полубогов и заселить всю землю. Время для них не имело меры, веса и значения. Жизнь их длилась вечно.

Лилит дала потомство странных существ. Они даже отдаленно не напоминали Человека, не то что богов. Это были мохнатые четырехлапые существа, не подающие признаков интеллекта. Прочие рождались с перепончатыми руками, напоминающими крылья. Были и рогатые твари. И они сношались и давали потомство, которое было еще пуще своих создателей. Боги прозвали этих существ – зверьем, но уничтожать не стали. У Лилит было много детей, и все они разбрелись по земле.

Однажды Лилит дала потомство, похожее на Человека, с руками и ногами и гладкой кожей. И, несмотря на то, что все без исключения дети были горячо любимы ею, этих она просто боготворила. Коща боги увидели, как прекрасны были новые люди, они сотворили первородному человеку новую жену Ивет, чтобы та родила другое прекрасное потомство. И вторая жена удивила богов. Ее дети были невероятно красивы и идеально сложены; сильны, развиты; умны и талантливы. Следующие поколения не претерпели физических от-

клонений. Они стали главенствующим народом. Некоторые отличались сверхсилой, божественной искрой, и могли летать. Боги приняли их на службу и нарекли ангелами-полу-богами.

Дети Лилит не пользовались милостью богов, чем вызывали в ней ярость и ревность. Она не могла уступить второй жене главенствующее право. И всем сердцем ненавидела ту. Самые низменные и отвратительные чувства развратили Лилит, взяли верх над ее разумом. Она любой ценой хотела стать единственной женой Человека, и вернуть своему потомству право править миром.

Почерневшая душа отчаянно требовала возмездия, и ее коварству не было предела.

Сначала Лилит подговорила одного из своих сыновей соблазнить Ивет, что навсегда бы опорочило вторую жену. Коварный змей смог обольстить женщину. Они уединялись в тенистом саду и придавались сексуальным утехам. Змей был опытен и искусен по части секса. Вскоре Человек узнал об измене, и больше не касался Ивет. За отказ плодить потомство со второй женой, боги отобрали у Одина (имя мужчины) бессмертие и вскоре он начал стареть, тело его иссохло. А когда стало непригодным, его душа вернулась к богам.

Лилит видела, как страдала Ивет, оплакивая мужа, как изводит и корит себя, как красота женщины иссыхает со слезами. Но черная душа не унималась.

Вскоре Первенец Ивет погиб от руки родного брата. Ли-

лит сказала Аиму, что тот мог бы стать ангелом, но рожден вторым. Единственное, что отделяет его от высокого чина – это ничем не выдающийся и незаслуженно хвалимый Асима. Его жизнь в обмен на вечную службу подле богов – оправданная цена.

Ивет, еще не оправившаяся от потери мужа, смерть горячо любимого сына пережить не смогла и умерла. Ее душа была потрепана горечью и страданиями, и боги не осмелились давать ей новую жизнь, дабы не терзать ее воспоминаниями.

Лилит торжествовала. Но не долго. Богам стало известно о преступлениях коварной души. Наказание было еще более жестоким, чем ее проступки. Ее изгнали из земель Изобилия, за пределами которых жизни еще не было, лишь голая испепеленная солнцем пустыня.

После изгнания Лилит боги запретили людям любое коварство, не только в поступках, но и мыслях. Народы множились. Им предоставлялись новые цветущие земли. Над каждым народом стал ангел, который следил, чтобы заветы богов не нарушались. И везде царил мир и порядок.

Лилит же бродила по пустыне бесчисленные дни. Солнце выжигало ее кожу, что причиняло нестерпимую боль. Каждый раз, теряя сознание, Лилит вновь и вновь возвращалась к неистовым страданиям. Она мечтала умереть. Но смерть не наступала. Она решила убить себя. Женщина нашла каменную глыбу и расколотила о нее голову. Через трое суток она пришла в сознание, обнаружив, что голова цела. Проклятье

богов – вечность в скитаниях и мучениях.

Со временем Лилит приспособилась существовать по-новому. Днем, прячась от палящего солнца, она была вынуждена зарываться глубоко под землю. Лилит научилась обходиться без воздуха. А ночью брела в поисках очередного пристанища. Глаза привыкли к постоянной темноте, и теперь она могла видеть все как днем. Раны на теле превратились в лохмотья, источающие зловоние. Лилит привыкла и к постоянной боли. Она даже и представления не имела, куда ей податься, и просто брела, покуда были еще силы.

Она много лет ничего не ела и не пила. Черная душа превратилась в ходячую мумию, чье некогда прекрасное, точное тело было истрепано в лохмотья.

Однажды, будучи под землей, она услышала чье-то недалекое присутствие. Единственное желание, обуявшее ее – поесть. Точно молнией Лилит выбралась из-под земли и бросилась на звук. Она накинулась на жертву, разорвала ему шею и начала жадно пить. Жажда была великой, и Лилит не отпускала страдальца, пока не иссушила его до последней капли крови. А когда закончила, ужаснулась своему поступку. Это был человек.

Женщина оглядела его, надеясь, что тот еще жив. Но ни стонов, ни хрипа слышно не было. Сперва ужас сменился равнодушием: у ее ног лежал труп – просто неодушевленное тело. А после Лилит пришла в восторг, и ее осенила одна простая истина: ничего вкуснее она не ела. Восторг сменил-

ся истерическим хохотом. И чем громче она смеялась, тем сильнее становилась. Раны начали затягиваться, лицо залил теплый румянец. Появилась ясность сознания. Женщина поняла, чем должна питаться, чтобы вернуть себе силу и красоту.

Много веков миновала со дня изгнания первой дамы из земель Изобилия. За это время люди успели населить пригодные земли, обустроить города, создать законы и избрать правителей.

Людей стало так много, что трудно было отследить первоначальные родственные связи. Ни к одному из живущих людей Лилит не питала больше материнских чувств. Она ела и «своих» и «чужих». И женщину не мучили угрызения совести за истребление целых семей, а иногда и небольших поселений. Ее желудок не мог переваривать твердую пищу, сказывалось длительное голодание, поэтому она исключительно пила. Со временем ее клыки обострились, а челюсть стала раскрываться так широко и сжиматься с такой силой, что позавидовал бы любой хищный зверь.

Так появился самый безжалостный и коварный хищник на земле, а вместе с нею и проклятье.

Глава 6. Вернуть книгу

Зоя умолкла, погружившись в размышления. Я не смела тревожить ее. За пределами нашей кабинки, где я уже почти обвыкла, тоже было тихо. Музыка не слышно. Скорее всего, уже раннее утро и клуб закрывается. Откуда-то из зала доносились шаги и тихие разговоры. Я отдернула занавесь, чтобы посмотреть. К моему удивлению, в клубе было многолюдно. Стройными рядами у лестниц выстроились группы людей. Они не спеша поднимались вверх по лестницам и размещались в кабинках по трое-четверо человек, и зашторивали проемы, так что их не было видно. Кабинки заполнились почти все, и ярусы стали выглядеть торжественно и роскошно. По занавесям бегал мерцающий разноцветьем прожектор, что придавало залу прямо-таки театральное убранство.

Я услышала приближающиеся шаги. В кабинку заглянул парень лет тридцати очень высокого роста. Он смерил меня взглядом, но особого интереса не проявил.

– Зоя, – обратился он к девушке, – кормление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.